

VI. ПИСЬМО Е. В. САЛИАС М. А. БАКУНИНУ

Публикация М. Клевенского

Письмо известной писательницы Елизаветы Васильевны Салиас де Турнеяр (Евгения Тур, 1815—1892) связано с той полемикой, которая произошла в 1867 г. между А. И. Герценом, И. С. Аксаковым и М. А. Бакуниним. По поводу появившейся в № 46 газеты «Голос» заметки, с обвинениями Герцена и Бакунина в принадлежности к тайному обществу поджигателей, Герцен обратился к И. С. Аксакову с письмом, в котором, опровергая эту ложь, просил И. С. Аксакова (которого Герцен называл человеком честным и любящим правду) напечатать данное письмо в своей газете «Москва». И. С. Аксаков поместил письмо Герцена в № 58 «Москвы», но прибавил к нему свой комментарий, с обвинением по адресу Герцена. Он указывал, что если Герцен сам и не участвовал в «обществе поджигателей», то его именем прикрывалась «тульчинская агенция». Герцен, писал И. С. Аксаков, солидаризировался с поляками и с Бакуниным, затеявшим свою экспедицию для военной помощи полякам; он открыл в «Колоколе» подписку в пользу польского народного ржонда. И. С. Аксаков призывал Герцена покаяться в этих грехах перед Россией. Герцен воспроизвел свое письмо и аксаковские обвинения в № 239 «Колокола», а в № 240 напечатал «Ответ И. С. Аксакову», где говорил о своей позиции в польском вопросе и о тех грехах перед Россией, в которых Аксаков призывал его каяться. В зарубежной прессе на эту статью Герцена отозвался Бакунин; его ответ, в виде двух писем к Герцену, появился в № 241 «Колокола». Бакунин указал, что на месте Герцена он не стал бы писать И. С. Аксакову, как «одному из главных поощрителей Муравьева и поборников русского грабежа и палачества в Польше». Поскольку, однако, Аксаков коснулся вопроса об участии Бакунина в неудавшейся польской экспедиции через Балтийское море, Бакунин счел нужным сказать об этом несколько слов — не для И. С. Аксакова, но для «порядочных людей в России». Бакунин дал И. С. Аксакову уничтожающую характеристику; при этом он уделил довольно много внимания его покойному брату Константину Сергеевичу, о котором он говорил с теплым чувством, ругаясь, что если бы он был жив, то, несмотря на свой славянофильский фанатизм, он с ужасом и отвращением отвернулся бы от обвинения безоружных поляков.

Статья Герцена, с ее выражениями уважения к И. С. Аксакову, вызвала недовольство не только у революционера Бакунина, но и у некоторых представителей либерального общества. Так, И. С. Тургенев, которому Герцен послал номер «Колокола» со своей статьей, писал ему 22 мая 1867 г.: «Письмо твое к И. С. Аксакову я прочел уже прежде, но с удовольствием перечел его. Я нахожу, что ты делаешь слишком много «Kratzfüsse vor den Slavophilen»*, которых, по старой памяти, носишь в сердце. Мне кажется, что если б ты понохал то постное масло, которым они все отдают, особенно с тех пор, как Иван Сергееч женился на первой всероссийской лампадке¹, ты бы несколько придержал свое умиление².

Письмо Е. В. Салиас дает еще один отклик из среды «общества» на полемику Герцена — Аксакова — Бакунина. Либерализм Салиас в 60-е годы был самый умеренный и относительный, но по польскому вопросу она не присоединилась к дикому хору патриотов, заглушавших все своими завываниями. Этим объясняется, что она получила полное удовлетворение от статьи Бакунина, говорившего о роли И. С. Аксакова в деле усмирения польского восстания с надлежащей определенностью и прямотой, и отрицавшего за Аксаковым, как за общественным деятелем, право на какое бы то ни было уважение. Таким образом, даже люди совсем умеренные возмущались слишком большим пиететом к славянофилам со стороны Герцена, который никогда не мог отделаться от этой слабости.

Письмо Е. В. Салиас осталось не отправленным. Причина этого выясняется из надписи на конверте, с проставленным уже адресом (Italie, Naples, Monsieur Michel Bakounine). Салиас написала: «Не послано из уважения к Герцену и боязни, что Бак[унин] будет читать его в своей гостиной, в обществе. Оно слишком интимно, чтобы быть читано другим».

Письмо печатается по фотокопии, имеющейся в Литературном музее в Москве. Подлинник, вместе с другими письмами из архива Салиас, хранился в б. Рапперсвилском музее, а ныне находится в Польше.

Versailles, Rue Champs la Garde, 11 bis.
19 Mai 1867

Любезный Бакунин, я прочла нынче письмо ваше к Герцену в «Колоколе» и не могу не взять пера в руки, чтобы написать к вам несколько строк; не хочу молчать и оставить вас думать, что я не от-

* Расшаркивание перед славянофилами.

неслась сочувственно к вашим благородным и правдивым строкам. Некоторые русские были довольны письмом Герцена к Аксакову; я осталась им не только недовольна, но оскорблена им, в особенности за самого Герцена. Мне казалось, заявление его уважения к Аксакову, несколько раз повторенное, неискренним (sic!), или нелогичным, или лишенным чувства собственного достоинства. В самом деле за что Герцену уважать Аксакова? За то, что он хороший сын, добрый муж, любящий отец семейства? Но это добродетели частные, не заходящие в общественную сферу. Император Николай обладал ими и заслуживал в подобной сфере уважения. Или за то уважает Герцен Аксакова, что Аксаков не крал в судах, не брал взятки, — но и Аракчеев не крал и не брал взятки. Разве мы должны уважать его по этой причине? Гер-



М. А. БАКУНИН

Фотография 1862 г.

Институт литературы, Ленинград

цен делает примечание к вашему письму, что Аксаков не ездил в Польшу³. Это замечание не только несправедливо, но оно макиавелическое, недостойное Герцена. Ведь и Катков не ездил в Польшу, император Александр II также. Но это ничего не значит. Катков и Аксаков проповедывали палачество в Польше, писали доносы на русских, честнее или милосерднее других поступавших там, и так же виновны, если не более, как Александр II, позволивший совершать те ужасы, которые вызывали негодование всякого порядочного человека. Где разница между этими людьми? Нет, я не могу понять, за что именно уважать Герцену дикого ирокеза Аксакова! И как мог Герцен в ответ на клеветы, на ругательства Аксакова отвечать этим письмом, в котором тот, кто не знает лично Герцена, мог бы подумать *qu'il a voulu ménager la chèvre et le chou* *. Ужели Герцен не знает, что уступками

* что он хотел сберечь и козу, и капусту.

он не выиграет ничего и только унизит себя. Они, эти люди, забрызганные кровью и грязью, рукоплескавшие пыткам, виселицам, грабежку, не примут во внимание полууступок Герцена. Аксаков может только в глубине души гордиться, а перед людьми побрезгать уважением Герцена. — Вот что я думала и вот каково было впечатление, вынесенное мною из чтения письма Герцена к Аксакову, но мое значение судьи так ничтожно в политических делах, так не значуще, как писателя, тем более, что я не могу ничего печатать за границей ради спокойствия моих детей, что я должна была молчать и молчала скрепя сердце, и это не в первый раз, да и не в последний, разумеется, мне пришлось думать горькую думу втихомолку, не поверяя ее никому, и чувствуя вполне мое бессилие и одиночество. Вы можете себе представить, как я обрадовалась, прочитав ваши строки в «Колоколе». Всякая из них дошла мне до сердца. Я в них узнала вас, ваш благородный порыв, ваше неподкупное чувство правды, вашу способность говорить ее и тогда, когда за нее побивают камнями. Я крепко, дружески жму вашу руку. Если вы делали ошибки (кто их не делал), вы не отрекаетесь от них, вы прямо признаетесь, что сделали то или это, и бо сделали, вы признаетесь, что участвовали, и бо участвовали. Я, быть может, будь я мужчина, не приняла бы участия в экспедиции в Швецию, но вы сочли это нужным, приняли в ней участие и не отрекаетесь⁴. Я не могу не уважать этого рода мужества гораздо больше, чем того, которое вызывает столько похвал на полях битв. Я знаю, что вы любите наше общее отечество, и понимаю, как тяжело было вам. Экспедиция не удалась — теперь всякий находит, что порочить в ней; удайся она, удайся польское восстание и принеси за собой польскую независимость и русскую свободу, все бы рукоплескали. Таковы люди — они падают ниц перед успехом и силою и позором, издеваются над побежденными и уничтоженными!

Герцен, хотя и не прямо, но отрекается от участия в раздаче денег польским эмигрантам, то есть людям, лишенным куска хлеба⁵. Я думаю, что всякий человек обязан помогать людям умирающим с голода, кто бы они ни были, а тем более людям, пострадавшим за любовь к своему отечеству. Всякий, кто любит независимость своего отечества, должен, по-моему, уважать тех, кто любит, как и он, так же свое отечество и пострадал за его независимость. Что бы сказали мы нашим сыновьям, если бы поляки царили в Москве, поставили нам своего короля-автократа и прохаживались бы победителями в Кремле? Вероятно то же, что говорили поляки своим сынам: «Ступай, умри, но выгони русских отсюда!» Я уж не говорю о том, что бы сказали мы, если бы наших женщин ссылали в рудники по этапам, если бы обирали собственность, если бы вешали и пытали всех, кого удалось захватить и на поле битвы, и вне ее, если бы прирезывали раненых и поджигали деревни и дома. При этом не извиняю я, конечно, убийства из-за угла и жандармов-вешателей, но должно сознаться, что при подобных обстоятельствах эти ужасы только м е с т ь. Месть, вы знаете, я не оправдываю, не извиняю, не сочувствую ей, но я понимаю, что люди могут дойти до нее. Зверем человек становится по большей части тогда, когда чаша бедствий и так переполнилась и плещет через край. Герцен оклеветал сам себя, повторяя так настойчиво, что он уважает Аксакова, и относясь к нему почти дружески. Я его слишком уважаю, чтобы думать иначе. Я полагаю, что он не взвесил своего письма к Аксакову, написал его с маху, после какого-либо потрясения. При его впечатлительной и страстной натуре это очень возможно. Эффекта его письмо не произвело ни малейшего. Его враги не обратили на него внимания, часть его друзей приняла его с равнодушной по-

хвалю, а некоторые, в том числе и я, с неудовольствием. Тем более обрадовалась я вашему решительному, прямому, без уступок и без робости написанному письму. Окончание его прелестно. Я даже смеялась от души. Оно учтиво, тонко, но убийственно! Нельзя сказать более вежливо, соблюдая формы благовоспитанного человека, что Ив. Аксаков или скот, или дурак⁶. Я, признаюсь, думаю, что он дикарь, то есть отчасти скот, и имею повод утвердительно сказать, что, если он не вполне дурак, то крайне ограниченный человек. В этой-то ограниченности и можно найти *circonstances atténuantes** для совершенных им преступлений, хотя они совершены посредством печатного слова. Но печатное слово, в наш век, бывает часто жесточе меча. У всякого один меч, а печатное слово подымает тысячи, десятки тысяч, пожалуй, и сотни тысяч мечей. Да и не одни мечи подымал своим печатным словом Аксаков, а даже готовил орудие пытки и свивал веревки для виселиц. Вот его почтенная деятельность за последние 5 лет! Если за это людей уважать... то это новые права на уважение!..

Ваше суждение о брате Ив. Аксакова, Константине, прочла я также с чрезвычайным удовольствием. Все в этой оценке мне показалось справедливым, прочувствованным и верно схваченным. Да, я сама именно таким знала Константина Аксакова в моей молодости⁷. Человек, сходивший с ума от доблестей и благородства маркиза Позы, любивший читать Фиеско, благоговевший перед Шиллером, гуманный, как вы говорите, прежде всего, не мог бы рукоплескать Муравьеву и, скажу больше, остановил бы, я убеждена в этом, своего брата при входе на тот грязный и кровавый путь, который он совершил перед нашими глазами в последние годы. Константин мог драться и верно дрался с поляками, если бы они вступили в наши пределы, но не мог ни мучить, ни позорить их, ни издеваться над ними — за это я ручаюсь. Я вместе с ним читала лучшие произведения поэтов, которые воспевали освободителей наций от чужеземного ига, и помню его восторги, его энтузиазм. Константин Аксаков был добр, благороден, души возвышенной и обладал высоко развитой гуманностью. В нем жило чувство правды и чувство справедливости, которые весьма редко встречаются между нами, русскими. Еще ни в одной нации не замечала я такого отсутствия чувства справедливости и правды, как в нашей. И не мудрено. Века рабства и деспотизма уничтожили их в большей части из нас. Это горькая истина, и я помечаю ее с сердечной болью. Но надо признаться — в последние годы столько пришлось сознать и пометить горьких истин, что и боль сердца притупилась; оно еще ноет, но уже не раздражается, как прежде. Жить стало тяжело. Я мало надеюсь и стараюсь забыть все и всех, кроме друзей. Это самое слово говорит вам, что я вас помню и люблю попрежнему. Мы почти во всем не согласны; мы не из одного стада, но мы из одной земли и разделяем любовь к правде, к справедливости, оба равно желаем свободы отечеству, хотя понимаем эту свободу не одинаково, и, вероятно, оба умрем, оставаясь верны своим убеждениям и сохранив наши чувства и симпатии в области политической и общественной. Итак, amen.

О себе сказать вам много не сумею. Вероятно, мой Утин⁸ (я его люблю чрезвычайно), бывший в Неаполе, говорил вам, что сын мой уехал в Россию⁹. Я живу одна и довольно уединенно в Версале. Кроме близких друзей и добрых приятелей, никого не вижу — и не удивляйтесь, это следствие страшной нравственной усталости, всякий вечер играю в карты, когда есть партия. Дом мой красив, в саду; у ме-

* смягчающие обстоятельства.

ня птицы, собаки, цветы. Пишу мало, читаю больше, не скучаю, но иногда очень печально гляжу на все, что совершается. Луча солнца нигде не вижу; по крайней мере, он на меня не падает. Победы Пруссии, торжество русского правительства, унижение Франции, всеобщая усталость, равнодушие и эгоизм Англии — все это неутешительно!

Целую вашу милую жену, о которой вспоминаю, как о хорошенькой птичке, пролетевшей на моем горизонте в минуту грозной бури¹⁰. Что она? Здорова ли? Весела ли? Счастлива ли? Неаполитанский климат, природа, искусство должны были прельстить ее, особенно после Сибири. Если будете писать ко мне, а я надеюсь, что черкнет два, три слова, дайте вести о ней, да пишите разборчиво. А то я вашего письма прочесть не буду в состоянии, я плохо вижу. Зрение мое становится все хуже. Старость. Пора уступать место внучатам, которых у меня уже четверо. Горе мое в том, что они так далеко, и я их не вижу. Одна из дочерей обещала приехать, но не смогла. Приходится ждать, ждать и ждать... Прощайте. Дружески жму вам руку; помните и любите сердечно преданную вам Ел. Салиас.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ В январе 1866 г. И. С. Аксаков женился на Анне Федоровне Тютчевой (1829—1889), дочери поэта Ф. И. Тютчева, фрейлине жены Александра II, Марии Александровны и воспитательнице ее младших детей.

² «Письма К. Д. Кавелина и И. С. Тургенева к А. И. Герцену и Н. П. Огареву», Женева, 1892 г., стр. 132.

³ Бакунин в письме к Герцену в «Колоколе» говорит: «Но вот за что отвечаю: как бы сильно, страстно и ложно ни было его [К. С. Аксакова] увлечение, он никогда не сделался бы поощрителем и подстрекателем палача Муравьева, не жал бы рук гвардейским грабителям и шпионам, с негодованием, отвращением и ужасом отвернулся бы он от избития безоружных поляков и скорее отказался бы от своих, чем позволил бы им надругаться над благородными павшими жертвами. Наконец, после потех он не поехал бы в Варшаву организовать Польшу». К последним словам Герцен сделал примечание: «Когда же ездил И. С. Аксаков?»

⁴ Бакунин принял участие в неудачной экспедиции польского отряда, во главе которого стоял полковник Теофил Лапинский. Целью экспедиции было высадить вооруженный польский десант на Балтийском побережье, чтобы оттуда отряд пробрался в Жмудь и там поднял восстание, устроив диверсию в тылу русских войск. (См. ниже сообщение В. Тренина «Полковник Лапинский и его воспоминания»)

⁵ В «Ответе И. С. Аксакову» в № 240 «Колокола» Герцен говорит: «Вы говорите, что я открывал подписку в «Колоколе» в пользу польского народного ржонца. Вы не любите «голословных» показаний, а потому не можете ли вы указать лист «Колокола» или чего-нибудь другого, где бы мы открывали какую-нибудь подписку, кроме для «общего фонда» и для общества «Земля и Воля», по просьбе его комитета?» Сообщив затем, что он однажды вручил польскому комитету в Лондоне 2000 франков, полученных через графа Риччиарди от его знакомых из Неаполя, Герцен заключает: «Затем я должен сказать краснея, что, если мне случалось грошовыми деньгами помогать польским братьям по эмиграции, то я гораздо больше получил денег от поляков для русских выходцев».

⁶ Второе письмо Бакунина к Герцену кончается словами: «...Несмотря на все это, я готов повторить с вами, что г. Аксаков — человек честный, но только под одним условием, — вы должны согласиться со мной, что все, что мы придаем его честности, будет отнято нами у его способности разумения».

⁷ Знакомство Е. В. Салиас, урожд. Сухово-Кобылиной, с К. С. Аксаковым относится к 30-м годам, когда в доме Сухово-Кобылиных, в Москве, собиралось много представителей московской интеллигенции и университетской молодежи.

⁸ Утин Евгений Исакович (1843—1894) — впоследствии известный публицист и адвокат. Он находился в оживленной переписке с Е. В. Салиас.

⁹ Салиас Евгений Андреевич, де Турнемир (1840—1908), впоследствии известный исторический романист правого лагеря.

¹⁰ Жена Бакунина Антония Ксавьеревна, урожд. Квятковская, сибирячка родом, выехала за границу к мужу в 1862 г., причем для устройства этого выезда пришлось преодолеть много затруднений разного рода. Некоторое содействие в этом деле оказала Бакунину и Салиас, проживавшая тогда за границей. На этой почве и началась в 1862 г. ее переписка с Бакуниным, который до того не был с нею лично знаком.